

Текст · 21 сентября 2022, 17:28

Ольга Ромашова,

«Хватай кого попало, делай вид, что обучаешь, и отправляй». Чего ждут от мобилизации военные эксперты и исследователи

Почему Владимир Путин объявил мобилизацию именно сейчас? Сможет ли мобилизация изменить ход войны? Посильная ли это вообще задача для российских властей? «Медиазона» задала эти вопросы людям, которые профессионально изучают войну и армию.

Почему именно сейчас?

Исследователь *Conflict Intelligence Team (CIT)* Кирилл Михайлов говорит, что по крайней мере часть российского армейского командования на фоне тяжелых поражений в Украине настаивала на мобилизации. Согласно [расследованию](#) «Важных историй», люди из окружения министра обороны Сергея Шойгу пытались косвенно донести до Владимира Путина идею о необходимости мобилизации, заказывая «аналитические» статьи в крупнейших СМИ, напоминает он. Кроме того, многие военные отказывались участвовать в войне.

«Проблема отказников вставала все острее. При каждом удобном случае они пытались соскочить, пытались отказаться от участия в так называемой СВО. Украинцы натрофеили большое количество этих рапортов, которые [оставили](#) в Изюме, они писались просто постоянно, постоянно, постоянно,

— говорит Михайлов. — Кроме того, многие люди заключали краткосрочные контракты в начале лета. Эти контракты должны были скоро закончиться либо уже закончились. Понятно, что, побывав в Украине, никто не будет подписываться, чтобы сидеть зимой в окопах под артой».

Исследователь *CIT* добавляет, что такое настроение в армии «должно было еще сильнее усугубить кризис с личным составом, в первую очередь с пехотой, который наложился на проблемы с российским командованием, боевым духом, разведкой и привел к катастрофе под Харьковом».

При этом многие военные эксперты и наблюдатели сходятся во мнении, что российские власти опоздали с мобилизацией. Политолог, создатель проекта *Re:Russia* Кирилл Рогов назвал сентябрьскую мобилизацию решением «не просто запоздалым, но категорически отчаянным или бездарным». Ее следовало бы объявить еще в мае, когда выяснилось, что «оставшихся сил российской армии недостаточно, чтобы быстро окружить и разгромить группировку сил^[1] в Донбассе даже», считает Кирилл Михайлов.

Эксперт в области международных отношений и глобальной безопасности, приглашенный научный сотрудник Школы Флетчера при Университете Тафтса в США Павел Лузин уверен, что к объявлению мобилизации подтолкнула «военная катастрофа» в Украине. «Это парадоксальный сценарий, когда слабеющая Россия идет на эскалацию. Но он абсолютно логичен в том смысле, что Кремль в своем нынешнем состоянии хочет принудить [Украину]

к переговорам, к прекращению огня, пугает мир и пытается как-то всеми силами восстановить армию», — говорит он.

Военный аналитик, старший научный сотрудник *Foreign Policy Research Institute (FPRI)* Роб Ли пишет, что объявление мобилизации можно считать «признанием того, что российская война провалилась и изменения были необходимы». Он называет мобилизацию «одним из самых значимых и самых рискованных политических решений, которые когда-либо принимал Путин».

Как это будет организовано?

Военные эксперты не раз отмечали, что российская армия не готова к мобилизации. Кирилл Михайлов ожидает, что проводить ее будут в режиме импровизации, «с чистого листа», так как «советские мобилизационные структуры» за последние десятилетия «были уничтожены, потому что никто не готовился к настолько масштабной войне».

Срочники последнего весеннего призыва «обучались из рук вон плохо, если вообще обучались, потому что офицеров не было — все ушли на фронт, уволились или попали тем или иным способом в потери, техники не было, все увезли на фронт», говорит исследователь *CIT*.

«Даже срочников обучить нормально не получалось. Как в этой ситуации будут обучать мобилизованных?» — задается вопросом Михайлов. Впрочем, добавляет он, действия российских военных

сложно прогнозировать, потому что неизвестно, на основании каких данных командование принимает решения.

«Мы пытаемся думать, какие будут рациональные решения с учетом имеющейся информации, а таких рациональных решений, которые адекватно оценивают имеющуюся обстановку, мы за последние семь месяцев видели не очень много, мягко говоря», — замечает Михайлов.

Лузин убежден, что провести мобилизацию в нынешних условиях технически невозможно. «Ее можно политически объявить, реализовать нельзя. Но мы видим по указу, что мы не знаем ни численность мобилизуемых, ни сроки, когда их надо мобилизовать. То есть такое ощущение, что попытаемся отловить всех, кого можем отловить, а там посмотрим», — говорит он.

Роб Ли обращает внимание, что «советская мобилизационная система с кадровыми подразделениями, с офицерами и техникой, готовыми принять мобилизованных призывников», демонтирована. Поэтому резервистов и новобранцев, полагает эксперт, будут отправлять в недоукомплектованные подразделения, которые уже воюют в Украине.

С какими проблемами столкнутся власти?

Михайлов напоминает, что для успеха военной мобилизации важна «политическая

мобилизация общества». Так, большинство украинцев воспринимает войну как справедливую борьбу за независимость своей страны и выживание народа; в России подобных настроений нет.

«Если люди не готовы ехать туда добровольно — в тот же 3-й армейский корпус^[2], по украинским данным — набрали 11 тысяч из 16 необходимых — тогда тут понятно, что попыток откосить будет много. Мы это уже наблюдаем со всеми этими переполненными самолетами и прочими попытками так или иначе уйти от мобилизации. В такой ситуации, я думаю, прежде чем мобилизация будет сорвана, она, скорее всего, перетечет уже в разряд "хватай кого попало и обучай или делай вид, что обучаешь, и отправляй"», — говорит он.

Лузин не исключает, что россияне будут активно сопротивляться мобилизации. «Необязательно люди выйдут на центральные площади городов и скажут: "Нет мобилизации!". Они будут жечь военкоматы, они будут жечь свои личные дела, они будут жечь военные билеты, они будут избивать сотрудников военкомата, которые будут пытаться кому-то донести повестку. Я думаю, тут формы сопротивления будут классические русские: это саботаж, это кулак в зубы», — рассуждает он.

Изменит ли это положение дел на фронте?

«Все зависит от того, сколько их туда понатыкают и насколько их успеют подготовить. Пока мы этого не знаем, — говорит Кирилл Михайлов из

СИТ. — При условии нормальной мобилизации в среднесрочной перспективе это может изменить положение дел на фронте. Это снизит риски таких же катастрофических для российской армии событий, как под Харьковом».

При этом исследователь сомневается, что мобилизация позволит российской армии перейти в наступление. «Для успешного наступления нужна эффективная разведка, нужна мотивированность бойцов, нужно оперативное искусство, которым российские военачальники пока не блещут. Нужно умение не просто пострелять, а действовать в составе своего подразделения, взаимодействовать с другими родами войск», — напоминает он.

Лузин более категоричен в оценках. «Нет, [мобилизация] не поможет и ни на что не повлияет в военном плане. Никакого положения дел это не изменит», — уверен он.

Роб Ли ожидает, что теперь призывников будут отправлять в Украину, а добровольцам, заключившим краткосрочные контракты, не дадут уволиться из армии. «В краткосрочной перспективе этих двух шагов может быть достаточно, чтобы предотвратить крах российских войск. В противном случае проблема с кадрами в России может стать катастрофической этой зимой, когда многие добровольцы, вероятно, не станут подписывать еще один контракт», — рассуждает он. Это приведет к деморализации войск, и «разница в моральном духе, сплоченности подразделений и других критических факторах между украинскими и российскими подразделениями станет еще больше».

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. ВСУ.
2. Сформированный из добровольцев уже после начала войны.